

УДК

Р. С. Притченко, ст. преп.

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
кафедра общеправовых дисциплин и международного права,
Французский бульвар, 24/26, Одесса, 65058, Украина

ПРОБЛЕМНОЕ ПОНИМАНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Анализируется разнообразное понимание судебной практики в правовой науке начала XX столетия, в советский период развития правовой науки и формулируется современное понимание этого вида юридической практики.

Ключевые слова: юридическая практика, судебная практика, правоположение, источник права.

Вопросы природы судебной практики, ее места, значения и роли в правовой системе нашего государства всегда имели актуальность и привлекали внимание как ученых так и практикующих юристов. Однако, как отмечает профессор С. Н. Братусь “по сравнению с тем вниманием, которое уделялось юрисдикционной деятельности судебных органов по применению гражданского, трудового, брачно-семейного, уголовного, административного и процессуального законодательства, внимание, обращенное на теоретические проблемы судебной практики в советский период юриспруденции было куда меньше” [1, 3].

Тем не менее, теоретические проблемы судебной практики волновали умы светил юридической науки еще в конце XIX начале XX века в России. Как правило, изучение судебной практики, в этот период, сводилось к проблеме разграничения судебной практики (судебного прецедента) и обычая; творческой роли суда в процессе разрешения различных казусов; определенности правовых норм в процессе правоприменения.

Так, крупный ученый-юрист Н. М. Коркунов писал, что “судебная практика имеет много общего с обычаем. Подобно обычаю, и в судебной практике юридические нормы выражаются не в общей форме, а лишь в применении к отдельным, частным случаям” [2, 357-358]. Это позволяло многим в то время говорить о судебной практике, как о частной форме обычного права.

Совсем иной точки зрения, более радикальной, придерживался другой крупный правовед конца XIX начала XX века Тарановский Ф. В., говоря о судебной практике, он акцентировал внимание на том, что судебная практика несомненно должна признаваться самостоятельным источником права [3, 192-197].

Точку зрения Тарановского Ф. В. по поводу творческого характера судебной практики разделяет и Трубецкой Е. Н. Он пишет, что “наряду с административными распоряжениями закон в тесном смысле дополняется нормами, создаваемыми судебной практикой” [4, 130-131].

При этом под судебной практикой Трубецкой Е. Н. понимал результат, итог деятельности судебных органов в виде “устоявшейся линии по разрешению определенной категории дел” [5, 94-96]. Такого же мнения о судебной практике был и Шершеневич Г. Ф. [6, 465-471].

Суд считался инстанцией, применяющая закон к казусам, встречающимся в действительности. Но в силу невозможности для законодателя предвидеть все разнообразие казусов, судебная практика поневоле не ограничивается одним только применением закона к случаям действительной жизни. В жизни общества встречаются случаи, законом не предусмотренные, и суд, разбирая такие случаи, призван играть творческую роль; он должен разрешать всякие казусы и, сталкиваясь с новыми казусами, волей-неволей вынужден создавать для них новые нормы права.

Анализируя утверждения, высказанные учеными-юристами в тот период, можно заключить, что суд, не ограничиваясь одним применением закона к соответствующим случаям и дополняя существующее законодательство новыми, иногда даже весьма существенными нормами, тем самым проявляет творческую деятельность.

Мы можем сделать вывод о том, что проблематика выработки какого-либо единого определения судебной практики не так волновала ученые умы, как проблема признания за судебной практикой статуса источника права и проблема нахождения различий между судебной практикой и обычаем.

Однако, опираясь на обобщенный анализ основных положений в работах видных ученых-юристов периода конца XIX начала XX века, мы в силах самостоятельно дать определение судебной практики, которое могло бы иметь место в этот период развития теоретических знаний о государстве и праве. Таким образом, **под судебной практикой в указанный период** понимался *результат совокупной деятельности специальных государственных учреждений (судов, Сената), выражающийся в юридически определенных, сознательных решениях, вынесенных с целью разрешения спора, юридического нормирования общественных отношений и имеющих правоприменительный, истолковательный, а в необходимых случаях — правотворческий характер.*

В советский период правовая наука “стояла на позиции определения судебной практики как деятельности судов по применению законов при разрешении спорных, подлежащих их компетенции ситуаций и использованию опыта и результатов этой деятельности и надлежащем осуществлении правосудия”[7,3]. Роль, которую при этом играла судебная практика в советской правовой системе сводилась к конкретизации норм закона в процессе его применения судами; к обеспечению единообразного применения судами законов; к помощи в процессе совершенствования законодательства.

Проблемам определения судебной практики в советской юридической литературе отдельно не уделялось много внимания, косвенно эти проблемы были подняты в 40-50-е годы в ходе дискуссии о роли руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР и Пленумов Верховных Судов союзных республик.

Итак, в указанный период высказывалось по крайней мере **четыре различных точки зрения по данному вопросу**. *Первая*, что судебная практика — это выводы и обобщения, сделанные Пленумом Верховного Суда СССР из ряда однородных судебных решений, применяемых судами в течение определенного периода по однородным делам. Так, Орловский П. Е. писал, что под судебной практикой следует понимать “не отдельные судебные решения, хотя и высшего судебного органа нашей страны — Верховного Суда СССР, а выводы и обобщения, сделанные Пленумом Верховного Суда СССР из ряда однородных судебных решений, применяемых нашими судами в течение определенного периода времени по однородным делам”[8,96].

Вторая, что судебная практика — это решения по конкретному делу, из которых складывается судебная практика. В этой связи Вильнянский С. И. писал, что “Значение руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР состоит в руководстве судебной практикой. Но руководящие разъяснения сами по себе не являются судебной практикой, они не являются судебной практикой, они не

являются решениями по конкретному делу, из которых складывается судебная практика”[9,75-76]. Таким образом, С. И. Вильнянский понимает под судебной практикой правовые положения, выработанные при постоянном и однообразном применении их в деятельности суда при рассмотрении конкретных дел.

Третья, что судебная практика — это “известная тенденция разрешения судами отдельных категорий дел, воплощаемая во вступивших в законную силу решениях и определениях судов разных инстанций”[10,135]. Разделяя эту точку зрения, О. С. Иоффе писал, что “От руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР следует отличать судебную практику. Под судебной практикой понимают обобщенное выражение единой линии советских судебных органов при разрешении дел данной категории, находящей свое воплощение во вступивших в законную силу решениях и определениях народных судов и вышестоящих судебных инстанций”[11,44].

Сторонники *четвертой* точки зрения утверждали, что “судебную практику” следует понимать как “общую категорию, а внутри ее рассматривать отдельные разновидности, отдельные формы с точки зрения и нормотворческого характера. Понятие судебной практики следует применять только тогда, когда выявляется определенная линия в деятельности судебных органов в отношении решения того или иного вопроса, когда решение данного вопроса представляется более или менее устоявшимся”[12,125].

Оценивая эти взгляды, можно сказать, что, несмотря на текстуальные различия, в них можно выявить определенное единство в том, что **судебная практика** — это *устоявшееся, единое мнение судов о применяемой норме права, выявляющееся в единообразном разрешении дел определенной категории*. Расхождения же в вышеуказанных взглядах проявлялись, главным образом, в том, что по-разному определялись те судебные органы, которые вырабатывают единое, устоявшееся мнение.

В конце 60-х — первой половине 70-х годов XX века в советской правовой науке была предпринята попытка определить понятие **“судебная практика” в широком значении** — как *деятельность всех судов, входящих в судебную систему, функционирующую с целью осуществления социалистического правосудия путем рассмотрения различных категорий дел, и как все результаты этой деятельности*.

Мнения о том, что под судебной практикой следует понимать деятельность всех судебных органов по осуществлению правосудия, всей судебной системы придерживались многие авторы. Так, В. И. Смолярчук писал, что “под судебной практикой следует понимать обширную деятельность всей судебной системы страны”[13,32]; В. П. Реутов же под юридической практикой понимал “деятельность субъектов права в процессе формирования и реализации его норм, заключающуюся в издании нормативных актов и в совершении различных индивидуальных актов”[14,86].

Такое же отношение к судебной практике со стороны ученых можно увидеть и в работах 80-х годов XX века, а также постсоветского периода. Так, Цихоцкий А. В. дает следующее определение судебной практики: “это обобщенный результат деятельности судов по применению права при рассмотрении и разрешении дел”[15,164]. К. И. Комиссаров относит судебную практику к области правоприменения и утверждает, что “судебная практика — в любом случае область правоприменения, правоприменительный процесс и его результат. Вся деятельность по осуществлению правосудия (а не какая-то ее часть) охватывается понятием судебной практики”[16,25-27].

Кроме того, в 70-х годах в советской правовой науке прочно утвердилось мнение о допустимости и целесообразности выработки понятия **“судебная практика” в узком смысле слова**.

Однако объем этого понятия определялся различными авторами неодинаково. Так, В. Б. Алексеев считал, что “судебной практикой в более узком смысле являет-

ся правоприменительная деятельность судебных органов” [17,3], в свою очередь Г. Т. Ткешелиадзе понимал под ней “деятельность судов, которая связана с выработкой определенных положений на основе конкретизации и неоднократного применения закона” [18,14].

На наш взгляд, сведение судебной практики, как видового понятия, только к результатам и итогам деятельности судебных органов не соответствует своему родовому понятию — категории “юридическая практика”, тогда как видовое понятие должно включать в себя все признаки родового понятия. Кроме того, данное понимание судебной практики не соответствует также и философской категории “практика”, а в конкретных науках философские категории не могут интерпретироваться в узком, упрощенном смысле, как бы ни были убедительны аргументы, оправдывающие такое упрощенное толкование.

Судебная практика в таком понимании является лишь частью (компонентом) всей судебной деятельности, а именно той частью, которая связана с пониманием судьями норм права, с их толкованием и конкретизацией.

В процессе применения закона очень часто возникает необходимость в более глубоком и детальном его истолковании, чем просто разъяснение его содержания. Это требование заложено в самой природе закона — общего (абстрактного) правила, которое должно регулировать многообразные конкретные индивидуализированные общественные отношения. Данные отношения могут быть подведены под действие закона лишь в процессе конкретизации и детализации его содержания.

Конкретизирующее *правоположение* чаще всего формулируется в постановлении Пленума Верховного Суда Украины, в этом случае в его основе лежит обобщение многочисленных решений по однородной группе дел.

С. Н. Братусь и А. Б. Венгеров писали, что “судебная практика как итог судебной деятельности — есть результаты толкования норм права в процессе их применения судом при разрешении конкретных дел. Эти результаты раскрывают и углубляют содержание применяемой нормы, конкретизируют ее в форме определенных положений своеобразного нормативного характера — правоположений. Правоположения являются необходимым звеном, опосредствующим применение закона к спорному случаю” [19,16].

С такой трактовкой особенностей судебной практики не соглашается профессор В. М. Сырых. Он утверждает, что неправомерно ограничивать судебную практику деятельностью, связанной с разработкой только правоположений.

Более того, считает Сырых В. М., непоследовательное согласование понятия “судебная практика” с его родовой категорией “практика”, рассмотрение судебной практики в узком смысле, может привести к негативным последствиям, что в частности, имело место в 40 — 50-х годах XX века. “Создавался своеобразный замкнутый круг, узкое понимание и поход к практике приводили к ограниченному притоку широких и значительных практических вопросов, что, в свою очередь, не создавало основы для формулирования наукой выводов по узловым, кардинальным проблемам общественной жизни, государственного строительства и т. п.” [20,188].

И наоборот, пишет Сырых В. М., “подход к судебной практике как к понятию, обозначающему всю деятельность судебных органов по отправлению правосудия, не только соответствует смыслу философской категории, что важно само по себе, но и способствует успешному решению целого ряда важнейших проблем правовой науки” [21,40].

Если вдаваться в философские рассуждения, то необходимо учитывать, что решающим критерием отнесения той или иной деятельности к практике является характер деятельности, а не ее результаты. Любая чувственно-предметная деятельность человека, направленная на преобразование природы или общества, есть практика.

На наш взгляд, все-таки специфика судебной практики, как явления, более

точно отражается в определении, выработанном С. Н. Братусем и А. Б. Венгеровым. Определяя объем данного понятия, они исходят не только из выработанного судебного опыта, не только из устоявшегося, сложившегося и завершенного мнения судов, а через конкретную научную категорию — “правоположение”, которая в свою очередь очень хорошо вписывается в качестве элемента в содержание другой научной категории, а именно — в механизм правового регулирования общественных отношений. И в этом научная ценность такого определения.

Появление правоположений обусловлено прежде всего тем, что в процессе применения абстрактных законодательных норм в реальных жизненных ситуациях суды вынуждены толковать и конкретизировать их. В итоге формируются более конкретные правила, правоположения. Среди прочих факторов, способствующих появлению правоположений, выделим: преодоление судами пробелов и коллизий, применение “оценочных” понятий законодательства, разрешение споров на основе принципа справедливости и т. д. Примером правоположения может служить выработанное судебной практикой правило, согласно которому никто не должен нести за одно нарушение два вида гражданско-правовой ответственности.

Деятельность по выработке правоположений начинается в судах первой инстанции и завершается, как правило, выработкой нормативного правоположения, закрепленного в руководящих постановлениях Пленумов Верховных Судов. Правоположение может быть также непосредственно выработано Конституционным Судом и закреплено в его же решении.

Правоположения, являясь концентрированным выражением судебной практики, в состоянии компенсировать естественное отставание норм права от динамики общественных отношений, могут устранять противоречия между относительным “консерватизмом” права и изменчивостью общественной жизни. В конечном счете, разумное использование правоположений обеспечивает стабильность правопорядка, укрепляет законность, придает устойчивость проводимой государством политике.

Судебная практика с одной стороны может развиваться под влиянием общественных отношений, получивших правильное закрепление в нормах нрава, а также полностью или в той или иной степени законодательно не урегулированных. С другой стороны — судебная практика складывается и на основе юридического закона, недостаточно учитывающего объективные потребности общественного развития. А иногда практика судов вырабатывается вопреки закону, в котором правильно отражено развитие общественных отношений. Содержание выработанных судами во всех этих случаях правоположений чрезвычайно важно для законодательных органов.

Таким образом можно сделать вывод что, **судебная практика** являясь одновременно и компонентом деятельности судебных органов и ее результатом, в форме определенных правоположений, направленным на раскрытие и углубление (толкование) содержания норм в процессе их применения при разрешении конкретных споров судом или интерпретационной деятельности суда, выступает также и мериллом эффективного соответствия правовых норм объективным требованиям развития общества, представляет собой основу для дальнейшего развития юридической науки и законодательства.

Література

1. Судебная практика в советской правовой системе, под ред. С. Н. Братуся. М., “Юрид. лит.”, 1975, 328 с.
2. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. — СПб.: “Юридический центр Пресс”, 2003, 430 с.
3. Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. — СПб.: Изд. “Лань”, 2001, 560 с.
4. Трубейской Е. Н. Энциклопедия права. — СПб.: изд. “Лань”, 1999, 224 с.

5. Трубецкой Е. Н. *Лекции по энциклопедии права*. Одесса, 1919, 230 с.
6. Шершеневич Г. Ф. *Общая теория права*. Вып. 1-4. М., 1910-1912. — 805 с.
7. *Судебная практика в Советской правовой системе*, под ред. С. Н. Братуся. М., “Юрид. лит.”, 1975, 328 с.
8. Орловский П. Е. *Значение судебной практики в развитии советского гражданского права*. — *Советское государство и право*, 1940, № 8-9. — С. 96.
9. Вильнянский С. И. *Значение руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР*. — “Ученые записки Харьковского юридического института”, вып. 13, Харьков, 1959. — С. 75-76.
10. *Правотворчество в СССР*/ Под ред. А. В. Мицкевича. М., 1974, 313 с.
11. Иоффе О. С. *Советское гражданское право*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958, 415 с.
12. Новицкий И. Б. *Источники советского гражданского права*. М., 1959, 160 с.
13. Смолярчук В. И. *Источники советского трудового права*. М., 1978, 168 с.
14. Реутов В. П. *О понятии юридической практики*. — *Государство, право, законность*. Пермь, 1974, вып. 5. С. 75-94.
15. Цихоцкий А. В. *Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам*. Новосибирск. 1997, 391 с.
16. Комиссаров К. И. *Роль судебной практики в последовательном развитии законодательства*. Межвузовский сборник научных трудов “Проблемы гражданского процессуального права в свете Конституции СССР”. Свердловск. 1980, С. 25-27.
17. *Методика обобщения судебной практики*. М., 1976, 68 с.
18. Ткешелиадзе Г. Т. *Судебная практика и уголовный закон*. Тбилиси, 1975, 96 с.
19. *Судебная практика в советской правовой системе*, под ред. С. Н. Братуся, М.: “Юридическая литература”, 1975, 328 с.
20. Казимирчук В. П. *Право и методы его изучения*. М.: Юрид. лит., 1965, 204 с.
21. Сырых В. М. *Метод правовой науки: (Основные элементы, структура)*. — М.: Юрид. лит., 1980, 176 с.

Р. С. Притченко

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова,
кафедра загальноправових дисциплін та міжнародного права,
Французький бульвар, 24/26, Одеса, 65058, Україна

ПРОБЛЕМНЕ РОЗУМІННЯ СУДОВОЇ ПРАКТИКИ

РЕЗЮМЕ

Аналізується різноманітне розуміння судової практики на початку ХХ століття, в радянський період розвитку правової науки та сучасне розуміння цього різновиду юридичної практики.

Ключові слова: юридична практика, судова практика, правоположення, джерело права.